

Сумерки универсальной мечты

Почему США вновь должны стать Америкой

Блезненные неудачи США на Среднем Востоке, их наглядная неспособность сдержать уверенное расширение влияния Китая, нарастающие напряженности в американской и опирающейся на нее глобальной экономике, равно как и многие другие явления, ставят в повестку дня вопрос о неизбежности коренного изменения сегодняшнего «мирового порядка», основанного на американском уже не столько доминировании, сколько лидерстве.

По-видимому, Америка действительно перенапряглась, допустила пугающий перекося в использовании силы — как грубой, так и «мягкой», — при небрежении своей главной обязанностью, обязанностью не хозяина, но лидера мира — демонстрации доступного ему привлекательного будущего.

Рост популярности в США новых изоляционистов на фоне драматического провала еще недавно всемогущих «неоконов» дает основания полагать, что вместе со следующими президентскими выборами они приближаются ко времени не просто переоценки недавнего прошлого и открытого признания ранее допущенных ошибок, но и деятельного их исправления.

Однако ключевым вопросом современного развития человечества является совершенно иное. Для все еще не распавшегося окончательно на не связанные друг с другом элементы мира крайне важно понимать, смогут ли США той или иной ценой, ослабив внушаемый ими страх или укрепив симпатии к себе, понеся финансовые или военные потери, попав под действие «иракского синдрома» или впад в ура-патриотизм, похоронив неоконсерватизм или вдохнув в него под новой этикеткой вторую жизнь, — смогут ли они сохранить свое глобальное лидерство.

Положение усугубляется тем, что на протяжении практически всей послевоенной истории США «сидели на двух стульях»: были одновременно ключевым регулятором и ключевым игроком глобального рынка. Эта позиция приносит исключительно высокие дивиденды, однако в силу глубокой внутренней противоречивости не может быть устойчивой. По завершении переосмысления «советского наследия», которое стало содержанием эпохи Клинтона, она начала ощутимо сдерживать развитие глобальной экономи-

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук.

Ключевые слова: США, Россия, глобальная конкуренция, мировое лидерство, современный мировой порядок.

ки, вступив с интересами этого развития во все более острое противоречие, которое проявляется весьма разнообразно и неумолимо подтачивает доминирующую роль США.

В связи с этим представляется интересным и плодотворным подход, увязывающий исчерпание потенциала современной чрезмерно жесткой американской политики с нарастанием структурных проблем мирового развития, вызванных в том числе массовым распространением информационных технологий. Однако вывод о том, что решение этих двух групп проблем будет происходить одновременно, в ходе разворачивания единого глобального кризиса, представляется по меньшей мере поспешным. Ведь глобальная напряженность и снижение эффективности систем управления могут продолжать нарастать еще несколько лет, а американское государство (и тем более управляющие его значимыми элементами глобальные структуры) многократно демонстрировало способность эффективно решать собственные локальные проблемы.

Точно так же представляется крайне интересным наблюдение, согласно которому сначала «управляемые», а затем и всего лишь «контролируемые» кризисы, используемые в качестве инструмента управления американским и глобальным истеблишментом, отнюдь не обязательно полностью выйдут из-под контроля. Далеко не всякая тенденция доходит до своего логического завершения; она вполне может погаснуть или трансформироваться, не успев дорасти до диалектического выхода на новый уровень и отрицания себя самой.

В частности, не только глобальная (пополняемая как раз сейчас «свежей культурной и интеллектуальной кровью» в виде китайских элит), но даже и американская система управления может научиться решать качественно более сложные задачи и как минимум контролировать совокупность кризисов как некоторый новый уровень стабильности.

Многие отечественные (и далеко не только) аналитики, даже из академической среды, предпочитают судить о положении США в категориях гегемонии и доминирования, драматически упуская суть этих гегемонии и доминирования — американского лидерства.

Это лидерство прежде всего лежит в социальной, а не технологической сфере и проявляется в первую очередь в комплексных социальных, а не производственных и даже собственно управленческих технологиях.

Затушевывание американского лидерства категориями гегемонии и доминирования ведет к трагическому небрежению самой сути, квинт-эссенцией исторического «американского урока», преподаваемого всему миру.

Ведь уникальность положения США и их действительно исключительное значение для мировой цивилизации заключаются отнюдь не в их колоссальном влиянии самом по себе, но в первую очередь именно в их лидерстве, в способности показать остальному миру проходимый ими путь к процветанию (пусть даже и заведомо ложный, заведомо недоступный для остального мира, эксплуатируемого США в том числе и при помощи этой демонстрации, но все равно окрыляющий и увлекающий целые народы и поколения). И главное в этом пути даже не столько его привлекательность, сколько его формальная доступность и открытость почти для всех, несмотря даже на усиление глобальной конкуренции.

Именно эта внешняя (пусть даже, повторюсь, и глубоко ложная на самом деле) доступность положительного примера и является, по моему глубочайшему убеждению, главным залогом устойчивости положения США как единственной сверхдержавы современного мира. Технологическое, военное и финансовое лидерство исключительно значимы (не говоря о масштабах экономики, по которому при исчислении по паритету покупательной способности США уступят Китаю уже в 2014 году, а при пересчете ВВП по рыночным курсам валют, — до 2020 года), но все равно второстепенны на фоне того, что в современном мире всякий, стремящийся к глобальному успеху, волей-неволей не просто соотносит себя с США, но поневоле заимствует у них, вместе с конкретными эффективными механизмами и инструментами, львиную долю их ценностей. А это означает, что он, по крайней мере частично, перерождается в результате успешного участия в глобальной конкуренции в некоторое, пусть и слабое, и культурно специфичное, но подобие американского общества.

Эстафету мирового лидерства примет у США та страна, которая сможет гармонично сплавить свою традиционную культуру с американскими ценностями и мотивациями, обеспечивающими высокую конкурентоспособность американского общества, и превратит американские ценности и мотивации из противоречия в естественное дополнение и продолжение своей культуры.

Это размывает идентичность как минимум незападных культур и тем самым подрывает их возможную альтернативную конкурентоспособность, то есть конкурентоспособность, найденную на ином, альтернативном американскому (и в целом западному) пути развития общества. Конечно, успешность такой альтернативы отнюдь не гарантирована, однако без размывания идентичности незападных обществ она, как минимум, остается теоретически возможной, — и данные общества, как правило, полностью сознают это.

Однако глобальная конкуренция как явление всецело находится в американском культурном поле, и всякий участвующий в ней, всякий принимающий ее правила уже в силу этого автоматически становится «немножко Америкой» — даже если при этом усердно насаждает культ антиамериканизма.

Такова реальность вне зависимости от того, нравится она нам или нет.

Эстафету мирового лидерства примет у США та страна, которая сможет гармонично сплавить свою традиционную культуру с американскими ценностями и мотивациями, обеспечивающими высокую конкурентоспособность американского общества, и превратит американские ценности

и мотивации из противоречия в естественное дополнение и продолжение своей культуры. Это долгая, трудная, кропотливая и невидимая миру работа, осуществляемая к тому же во многом стихийно. Спрогнозировать ее ход попросту невозможно, но, пока она не проведена, даже самые яростные конкуренты США будут — как это ни парадоксально — всеми силами поддерживать их лидирующие позиции.

Мы видели нечто подобное в прошлом, когда в середине 2000-х годов Китай, в авральном порядке изменив свои внутренние правила, всеми силами, практически один против остального мира, несколько месяцев поддерживал американский доллар, не давая ему упасть слишком сильно по отношению к мировым валютам. Непосредственная причина этого понятна: ориентированность китайской экономики на американский рынок.

Однако есть и более глубокая, фундаментальная причина: изменение мирового порядка, мировых «правил игры» может осуществиться только в результате сознательных действий ряда участников глобальной политики и экономики, только в результате их стремления к новому, более справедливому и выгодному для них порядку. Достичь его скорее всего не удастся (в общественной жизни обычно достигается не совсем та цель, которая ставилась в начале процесса), однако как идеал этот «новый лучший мир» жизненно необходим: без него у участников процесса просто не будет стимула отказываться от «старого мира».

И вся трагедия современной конкуренции с США в том, что этого нового идеала, такого же общедоступного и воодушевляющего, как американский, не существует.

Вообще.

И отнюдь не только потому, что элита большинства влиятельных участников мировой политики глобализировалась, и ее вполне устраивает мир с лидерством США (разумеется, обычно с некоторыми непринципиальными изменениями), — особенно если они по-прежнему будут с большой охотой (и прибылью) снимать со всех остальных ответственность за развитие событий в мире, пусть даже и не принимая ее на себя.

Причина более глубока: сегодняшний мир живет по правилам, сформулированным и воплощенным в жизнь в конечном счете именно Америкой. Все альтернативы — будь то этническая китайская или социально-религиозная исламская — менее универсальны, менее открыты, менее доступны и привлекательны — и потому в стратегической перспективе обречены на поражение.

Ведь человеку по самой его природе свойственно так или иначе, в той или иной степени, в той или иной форме стремиться к свободе и богатству — и, кстати, к равенству в свободе и возможности достижения богатства тоже, о чем почему-то забывают, говоря об американском пути и американской модели, — но далеко не всем свойственно стремление стать китайцем или мусульманином.

И протестуя и восставая против американского доминирования, отрицая американскую гегемонию, мир одновременно отнюдь не возражает против американского лидерства как такового, борясь не с самими американскими ценностями, но лишь с их искажением, извращением и предательством самой Америкой. Это борьба против Америки как подавляющего остальных участника глобального рынка, но за Америку как глобального регулятора,

против реальной Америки, — но за Америку идеальную, против сегодняшней сиюминутной Америки, — но за Америку во всей полноте ее истории, против Америки, — но за американизм и в конечном счете за то, чтобы «США вновь стали Америкой».

Сам факт ведения подобной борьбы есть выдающаяся историческая победа США, подтверждение их огромной исторической и культурной (при всей бедности и ограниченности их собственной культуры в узком, традиционном смысле этого слова) роли, исчерпывающее доказательство их сохраняющегося лидерства.

В этих условиях сама возможность нового мирового порядка как переход от «однополярного» мира к «многополярному» воспринимается как возможность не новой, большей справедливости или новой, большей свободы, но как хаос, как жестокая борьба всех против всех, как крушение относительно удобного и соединенного надежными коммуникациями мира, как возвращение «нового средневековья» или, в самом лучшем случае, межвоенного периода.

А этого не хочет никто — даже те, кто наглядно и ощутимо страдает от американского доминирования и действительно подавляется американскими «правилами игры».

И современный мировой порядок, совершенно неэффективный и несправедливый с внешней, прагматической точки зрения, поддерживается изнутри титаническими, отчаянными усилиями тех, кому он вроде бы вредит. Не столько потому, что их лидеры скуплены на корню и отобраны по принципу личного рабства, но прежде всего потому, что альтернатива американскому доминированию пугает больше его.

Именно в этом секрет сегодняшней и завтрашней Америки.

Именно об этом слишком часто забывают не только российские, но и собственно американские эксперты, погрузившиеся в частности и порою слишком склонные к изучению леса как совокупности отдельно взятых стволов, веток и листьев.

Свойственное этому жанру сочетание фактических неточностей с общим поэтическим характером мировосприятия представляется исключительно интересным с точки зрения его распространенности, чтобы не сказать общепринятости, прежде всего в среде наших ультрапатриотов и ультранационалистов.

В целом легко понять и более серьезных, более профессиональных людей, замороженных, как кролик перед удавом, технологическим, в том числе военно-технологическим, преимуществом США. Ведь технологический лидер мира — не просто поставщик жизненно необходимых производственных технологий. Это еще и создатель технологий управления, в том числе непрямого и скрытого, это еще и разработчик наиболее эффективных, а часто и вовсе саморегулируемых организационных структур — основы и опоры любой, и особенно конкурентной, деятельности.

Не менее легко понять людей, указывающих на ограниченность потенциала развития Китая, Индии и Юго-Восточной Азии в целом, обусловленную их неизбежной ориентацией на наиболее емкие рынки мира — США и Евросоюза. Еще долгое время только эти два рынка будут отвечать эмпирически нащупанному критерию, по которому способный к саморазвитию и устойчивый рынок должен иметь не менее 300 миллионов полноценных

потребителей, — и исторически лишь недавно этому критерию начал соответствовать Китай со своим средним классом.

Однако эти и множество других факторов, несмотря на всю свою значимость и убедительность, представляют собой лишь частности на фоне того, что США продолжают выигрывать глобальную конкуренцию за наиболее привлекательный и при этом наиболее доступный образ жизни — за общественный идеал. Американскому идеалу пока все еще нет никакой альтернативы, приемлемой для разнородного большинства человечества.

«Мир после Америки», конечно же, наступит — просто потому, что ничье лидерство и ничья гегемония не бывают вечными.

Но Америку сменит не «новая сила», а «новая мечта», которая должна еще если не появиться, то, во всяком случае, проявиться как значимый фактор мировой политики.

Пока же этого еще не произошло, мир продолжает жить в «американской эре», точнее — в ее все более тревожных, а часто и зловещих сумерках. Более того, системные проявления сменяющей ее новой эры, достаточно значимые для того, чтобы определенно говорить хотя бы о ее основных чертах, в настоящее время еще просто не видны. ◆